

Рукописные пометы М.А. Волошина на иностранных книгах из его коктебельской библиотеки*

Библиотека М.А. Волошина — книжный памятник русской культуры и духовности — вопреки бурным событиям XX в. сохранилась в Доме-музее поэта в Коктебеле практически без изменений. В настоящее время по описи в ней насчитывается 9254 экз. печатных изданий, в том числе 3981 экз. на иностранных языках. В статье дается обзор наиболее значимых рукописных помет М.А. Волошина на иностранных книгах из его библиотеки по отраслям знания (литература и критика, история, философия, искусство), обнаруженных при подготовке каталога «Мемориальная библиотека М.А. Волошина в Коктебеле: книги и материалы на иностранных языках».

Ключевые слова: М.А. Волошин, рукописные пометы, иностранные книги, французская литература, Великая французская революция, И. Тэн.



**Николай Николаевич
Зубков,**
главный научный сотрудник
комплексного научно-
исследовательского отдела
Всероссийской
государственной библиотеки
иностранной литературы
им. М.И. Рудомино,
кандидат филологических
наук

Бiblioteca дома Максимилиана Александровича Волошина (1877—1932) в Коктебеле — редчайший для русской культуры пример прекрасно сохранившегося книжного собрания выдающегося литератора, причем сохранившегося непосредственно в месте своего бытования. Как отметил первый директор Дома-музея, крупный исследователь биографии поэта В.П. Купченко, «самое... удивительное то, что библиотека сохранилась в Крыму, где Гражданская война шла наиболее ожесточенно, правительства менялись несколько раз, а во время Второй мировой войны эта прибрежная полоса была местом разрушительных боев и двухлетней немецкой оккупации...» [3, с. 8].

В настоящее время по описи в мемориальной библиотеке М.А. Волошина значится 9254 экз. печатных изданий, в том числе 3981 экз. на других

* Сокращенный вариант статьи, опубликованной как предисловие к каталогу «Мемориальная библиотека М.А. Волошина в Коктебеле: книги и материалы на иностранных языках» [5].

языках (из них 3587 — на французском), имеется составленный В.П. Купченко дезидератный список на 571 название, 40 из них — на иностранных языках [3, с. 46—49]. Общее число потерь коктейбельской библиотеки за все время ее существования В.П. Купченко оценивает примерно в тысячу экземпляров. Даже если эта оценка верна (речь идет о десятой части всей библиотеки), собрание М.А. Волошина должно быть признано наиболее полно сохранившейся мемориальной библиотекой русского писателя.

Важность изучения рукописных помет М.А. Волошина в книгах бесспорна, но здесь есть немалые сложности. Теоретически трудно себе представить, чтобы в доме, через который проходили сотни людей, читавших книги, лишь один делал это с карандашом в руках, однако ясно, что все до сих пор встретившиеся словесные пометы сделаны рукой М.А. Волошина. Насчет отметок другого рода это менее очевидно. Педантичность не являлась основным свойством натуры Волошина, и из любого правила у него всегда были исключения. Например, он почти не работал с книгой посредством закладок: в библиотеке они встречаются редко, не более одной-двух на книгу, и часто относятся ко времени после смерти поэта (листки календарей или обрывки газет конца 1930-х годов). Но роман Ж.К. Гюисманса «Собор» весь переложен закладками с заметками, сделанными рукой М.А. Волошина.

Все это затрудняет идентификацию помет, а значит, и их подробный содержательный анализ, являющийся задачей гораздо более объемного исследования. Мы ограничимся некоторыми предварительными наблюдениями. Отметим, что изучение записей на эзотерической литературе, при всей их важности для изучения мысли М.А. Волошина, мы оставляем на долю специалистов в этой области культуры. Вообще никакие книги он не штудировал так тщательно, как теософские: «Глас безмолвия» Е. Блаватской и «Инициация» Р. Штейнера с большим отрывом превосходят остальные по количеству помет. С другой стороны, мы не будем анализировать пометы в книгоиздательских каталогах — бесспорно, очень важных источниках для подробной истории библиотеки.

Литературные вкусы М.А. Волошина хорошо известны из его статей и других источников, поэтому можно было бы априори предположить, каких именно авторов он читал особенно внимательно. На практике это не всегда подтверждается.



М.А. Волошин

Конечно, «внимательно» совсем не непременно должно значить «с карандашом»; кроме того, далеко не все книги М.А. Волошин читал именно в Коктебеле, так что каких-либо твердых выводов из отсутствия помет, особенно на художественных произведениях, делать нельзя. Все же некоторые наблюдения могут оказаться небесполезными.

Кажется, нет такого писателя или поэта, большинство книг которого в коктейбельской библиотеке сплошь покрыты пометами. Поэтические сборники М.А. Волошин вообще читал почти без карандаша: только иногда он отмечал в тексте или в оглавлении отдельные стихотворения. Больше всего таких отметок в изданиях любимых по-

этов М.А. Волошина: А. де Ренье и Э. Верхарна, которых он много переводил, а также Ф. Жамма (волошинские переводы стихотворений этого поэта неизвестны). Наброски переводов из Верхарна Волошин иногда делал прямо на книге. Среди беллетристов есть авторы, на книгах которых помет не очень много, но зато почти все книги Л. Блуа, А. Франса, Ж.-К. Гюисманса их имеют. По числу помет выделяются: «На белом камне» Франса и «Собор» Гюисманса; существенно, что обе книги — не вполне беллетристика. Та же картина с изданиями самого любимого писателя М.А. Волошина — Ф. Вилье де Лиль-Адана: немногие отметки почти на всех изданиях и следы несколько более пристального изучения в публицистическом романе «Ева будущего», отчасти в «Изиде». Однако в коктейбельской библиотеке почему-то не сохранилось главного и наиболее ценимого хозяином произведения Вилье — трагедии «Аксель». Бывает и так, что книг какого-либо автора в библиотеке много, но помет на них не осталось. Так, почти нет следов чтения на многочисленных изданиях Т. Готье. Между тем Готье М.А. Волошина интересовал: пометы есть и в двух книгах о нем, и в мемуарах его дочери Жюдит (специально отмечены ее свидетельства о детстве). Сборники В. Гюго не только все без помет, но и разрезаны не полностью.

Более подробное исследование может раскрыть, в каком именно качестве делал М.А. Волошин отметки в произведениях художественной прозы: как критик, как читатель-эстет или же его интересовали авторские мысли. Скорее всего, случалось все это, а уже упомянутые здесь несколько раз пометы на «Соборе» Гюисманса явно вызваны интересом к средневековому искусству как феномену духовной жизни. Есть, по крайней мере, один очевидный случай, когда пометы

непосредственно связаны с деятельностью Волошина-критика: экземпляр «Познания Востока» П. Клоделя хранит следы работы над статьей «Клодель в Китае».

Художественная литература на других языках привлекала М.А. Волошина значительно меньше. Изданий античных поэтов в его библиотеке довольно много, но пометы есть только в «Илиаде», сочинениях Вергилия и греческой антологии. На всю «Божественную комедию» помет всего полтора десятка; примерно столько же в томе «Малых произведений» Данте, но эта книга ранее принадлежала К.Д. Бальмонту, так что и пометы могут быть его. Есть пометы в первом томе французского издания «Разговоров Гёте с Эккерманом», но второй том почти не разрезан. Примечательно, что немецкую литературу М.А. Волошин во многих случаях предпочитал читать по-французски: во французском переводе сохранились «Генрих фон Офтердинген» и «Ученики в Саисе» Новалиса и письма Г. Гейне.

К художественной литературе примыкают и сочинения выдающихся моралистов, интерес к которым у М.А. Волошина неравномерен и довольно причудлив. Сенеки и Эпиктета у него не было, том же Марка Аврелия — с пометами. «Мысли» Б. Паскаля имеются в трех изданиях, все с пометами, из них одно — с многочисленными. В начале издания «Опытов» М. Монтеня есть несколько помет, а с середины первого тома оно не разрезано.

М.А. Волошин много покупал и штудировал книги французских литературных и театральных критиков: в его библиотеке более ста литературоведческих и критических работ, значительно больше половины книг имеют пометы. Наибольший интерес у него вызывали дневники (например, братьев Гонкур), литературные портреты, мемуары — свидетельства литературной (и не только литературной) жизни, в которой М.А. Волошин пытался разглядеть знаки времени, остававшегося живым в самом своем (по его убеждению) вырождении. Отсюда, видимо, интерес к неглубокому, но плодovitому критику Ж. Леметру, к предисловиям А. Дюма-сына, вообще к театральной критике: согласно одной из помет Волошина, «французская публика смотрит на пьесу не как на художественное произведение, а как на кусочек жизни. Жизни она выражает одобрение или неодобрение». Поэтому и многочисленные пометы в литературных мемуарах и дневниках: уже упомянутой Ж. Готье, Д. Жирарден (Ге), братьев Гонкур и др. С этой темой связаны и пометы на книге «Эстетика города» Э. Маня.

Большой интерес представляет собой чтение М.А. Волошиным книг по истории. Предварительный анализ показывает, что у него была особая «читательская тема», вторая по значимости после эзотерики: тема Революции, а ее он изучал на материале Французской революции. По крайней мере, из всех исторических тем эта занимала его в первую очередь. Характерная иллюстрация: в Коктебеле имеются все тома «История Франции» Ж. Мишле, но почти все пометы сосредоточены в томах, посвященных Революции (заметное исключение — том «Ренессанс»), а, например, том «Арманьяки и бургиньоны», посвященный драматичному периоду Столетней войны, остался недочитанным (разрезан не до конца). Среди томов Ж. Мишле о Революции больше всего помет в томе «Жиронда и Гора», а в нем — на страницах о последствиях сентябрьских убийств (но не о самой резне), характеризующих некоторые необычные черты революционного народа. Среди этих помет две словесные. На с. 148 Волошин отметил «чувство собственности во всей французской революции», на с. 158 — роль, которую в этих драмах играли «Зрители». Заслуживают внимания и немногочисленные пометы в других томах. Так, в следующем за «Жирондой и Горой» томе «Конвент» Волошин отметил мысль, которой он открывается: драма революционеров, развернувшаяся от казни короля до Террора (и Термидора) — это еще далеко не вся Революция.

М.А. Волошин, как известно из его писем, изучал Мишле в 1905 г., будучи в Париже [4, с. 58—59]. Трудно сказать, те ли экземпляры перед нами. Письмо к М.В. Сабашниковой, которое цитируется в статье В.П. Купченко, говорит об интересе к другим темам и эпизодам, по крайней мере — в дру-

гом ракурсе. Итогом того чтения стало стихотворение «Голова madame de Lamballe», а мы только что заметили, что в коктейбельском экземпляре Мишле страницы, непосредственно описывающие сентябрьские убийства, помет не имеют. В 1917 г. М.А. Волошин читал уже не Мишле — великого плакальщика Революции, а «Происхождение современной Франции» И. Тэна — труд, направленный против самой идеи революции, яркое, хотя и несколько плоскостное изображение народной смуты 1789—1793 гг., в которой М.А. Волошин видел «поразительные аналогии» с происходящим [1, т. 10, с. 720; 4, с. 62—63]. Второй и третий тома этой книги действительно имеют много волошинских помет. Здесь он не обходит вниманием и некоторые чисто политические сюжеты, но больше всего привлечен изображением движения масс: «большого страха» 1789 г., парижских бесчинств того же времени, увенчавшихся жестоким и бессмысленным взятием Бастилии, похода на Версаль — и так далее до падения монархии (тома о Терроре в коктейбельской библиотеке нет).

Позволим себе пространное отступление. В нескольких книгах при описании были обнаружены рукописи М.А. Волошина (после каталогизации они переводятся в рукописный фонд). Обычно связь между рукописью и книгой не просматривается, но есть одно интересное исключение: в 3-м томе издания «Исполит Тэн, его жизнь и переписка» [6] сохранился рукописный вариант начала хроники «Повесть временных лет», отличающийся от опубликованного текста из тетради, хранящейся в ИРЛИ¹. Возможно, это набросок, навеянный чтением именно той книги, в которой он остался лежать.

В 3-й том писем И. Тэна² включены письма 1870—1875 годов. Он открывается разделами «Война» (Франко-прусская) и «Коммуна». Раздел «Война» [6, р. 9—59] имеет много помет, которые можно атрибутировать М.А. Волошину. Из них видно, до какой степени события 1870—1871 гг. могли в России ассоциироваться с событиями 1917 года. Если мифология большевизма в Коммуне видела только опыт «победы пролетариата», то на серьезного наблюдателя не могло не произвести впечатление повторение последовательности «война — восстание — гражданская война», которой ни в одной другой революции не было.

Параллели возникают с первых строк первого письма (матери от 9 августа): «Ты знаешь печальные новости из армии: у нее плохое командование, солдатской храбрости недостаточно, у нас нет ни тактика, ни верховного руководителя во главе. У всех, кого я видел, впечатления дурные. Возможно, что немцы войдут в Париж». И далее: «Многие думают, что если неудачи продолжатся, в Париже будет смута, может быть — революция; говорят о том, чтобы потребовать отречения Императора, но, по моему разумению, нет человека, который мог бы объединить общественное мнение, быть его главой; перед

нами полная тьма...» [6, р. 9]. Нет ничего более соответствующего настроением русского общества перед Февралем. И если во Франции не было энтузиазма весны 1917 г. (впрочем, М.А. Волошин никогда его не разделял), то после Октября относящимися не только к Франции должны были казаться предсказания, которые Тэн делал в последние недели и дни перед Коммуной: «...я предвижу в течение года Июньские дни и гражданскую войну, немного позже новое нашествие, под конец, может быть, раскол Франции пополам — будущее, подобное трем последним векам Италии» (письмо Эмилю Буми от 6 марта) [6, р. 55].

Видимо, именно такими прозрениями, выходящими за горизонт обыкновенных обывательских гаданий и частично сбывшимися, мог привлечь М.А. Волошина И. Тэн — позитивист и либерал-консерватор (в конкретных политических обстоятельствах — орлеанист и англофил). Как мы уже говорили, к тэновскому изображению революции 1789 г. он обратился сразу после Октябрьского переворота. С этим чтением связаны сходные пророчества: «Эти исторические параллели говорят, что нет никаких данных, чтобы большевизм, как принято утешаться, изжил сам себя в очень короткий срок... Вообще дело теперь за террором, которому, вероятно, будет предшествовать большой, организованный правительством погром (Сентябрьские дни)» (письмо Л.Ю. Оболенской от 15 ноября 1917 г.) [1, т. 10, с. 720]. Четыре года спустя изображение разгрома и возмущения 1870—1871 гг. могло стать толчком, чтобы вновь обратиться к первым дням смуты в России. Как отмечает В.П. Купченко, «в июне 1922 г., в незавершенном стихотворении “Революция” Волошин объединил впечатления Великой Французской революции и Парижской коммуны», затем, по мнению исследователя, должна была следовать часть, посвященная русской революции [4, с. 66]. На наш взгляд, здесь хронологически просматривается связь с чтением писем И. Тэна и работой над «Повестью временных лет».

Среди прочих внимательнейшим образом изученных М.А. Волошиным работ о Французской революции выделим фундаментальный труд Г. Лебона «Французская революция и социология революций». Пометы в этом сочинении основоположника психологии масс оставлены почти на каждой странице. Анализировать взгляды Г. Лебона и отношение к ним М.А. Волошина здесь невозможно — скажем лишь, что они могли быть научно-психологической базой для взглядов И. Тэна. Мемуары и дневники той поры помет не имеют, но М.А. Волошин их собирал, и они почти все разрезаны. Из исключений отметим почти неразрезанный том «Сочинений» К. Демулена.

Что касается остальной всемирной истории, то, как мы уже говорили, М.А. Волошин изучал ее всю, но по большей части не специально: лишь

несколько книг имеют немногочисленные его пометы. По контрасту с революционными и современными мемуарами воспоминания времен Старого режима М.А. Волошина интересовали мало. Даже такой выдающийся текст, как «Мемуары» герцога Сен-Симона, остался почти неразрезанным. Однако, в коктейльской библиотеке нет и мемуаров о наполеоновской эпохе, в том числе самого императора.

Исторические книги с пометами — это в основном работы, посвященные древним цивилизациям, вышедшие уже в 1920-е годы. Сюда примыкает «Золотая ветвь» Дж.Дж. Фрезера. Другие его произведения в библиотеке тоже есть, но без помет, а «Происхождение семьи» не разрезано. Отметим, что расистские теории своего времени М.А. Волошин принимал к сведению, но без особого интереса (можно сказать, и наоборот). В «Опыте о неравенстве человеческих рас» А. Гобино много неразрезанных страниц, а в его «Избранном» — всего лишь пара подчеркиваний. Зато Лебон — постоянный оппонент Гобино — был в числе любимых волошинских авторов.

Философия не была предметом первостепенного интереса М.А. Волошина, особенно ученая, академическая философия. Блестают своим отсутствием в иностранной части коктейльской библиотеки Аристотель, Декарт, Спиноза, вся классическая немецкая философия — даже А. Шопенгауэр (он у М.А. Волошина был по-русски). Представлены, но не имеют следов чтения, некоторые из французских просветителей, в том числе самый специально-философский из них — Э. Кондильяк. Несколько помет в сочинениях Платона относятся к его представлениям об эросе. Довольно неожиданно на этом фоне выглядят сочинения Г. Лейбница с пометами. Единственный современный философ, всерьез интересовавший М.А. Волошина, — А. Бергсон. Возможно, поэт воспринимал его, в первую очередь, как психолога, но помет больше всего на «Творческой эволюции» — сочинении, утверждающем дорогу для М.А. Волошина мысль о творческом единстве всего сущего, выдвигающем обоснованные аргументы против механицизма, господствовавшего в сознании XIX века. Есть свидетельство, что зимой 1911/1912 г. поэт посещал публичные лекции А. Бергсона в Париже (см. письмо Р. Гиля М.А. Волошину от 12 января 1912 г. [2]).

Большой интерес М.А. Волошина вызывало любительское, эссеистическое философствование (с которым отчасти смыкается и эзотерика, в частности Р. Штейнер). Но и тут следует отметить, что главный мэтр такого философствования — Ф. Ницше — в коктейльской библиотеке имеется не в оригинале, а по-русски и еще в двух французских изданиях, где лишь на трех подряд страницах одного из них сделано несколько помет. Между тем в молодости М.А. Волошин читал Ницше именно по-немецки и был тогда им сильно впечатлен (письмо А.М. Пешковскому от 11—12 января 1901 г.) [1, т. 4, с. 474]. Более всего пометок на философских сочинениях М. Метерлинка, кроме «Сокровища смиренных». Возможно, экземпляр этой книги с пометами не сохранился. Весьма внимательно М.А. Волошин изучал высказывания Леонардо да Винчи в изданиях Ж. Пеладана; на одном из экземпляров он записал замысел статьи о поэзии, связанной с мыслями Леонардо о живописи. Есть пометы и в книге Пеладана о Леонардо, но еще больше — в биографии художника, написанной Г. Сеайем.

Собственно искусствоведческие сочинения М.А. Волошин также много читал, но и в них искал не столько фактические сведения, сколько духовный смысл. Поэтому по числу помет резко выделяются труды Э. Маля о символике средневекового искусства.

Почти каждая из затронутых нами тем может быть предметом специальной работы, еще о многом мы в этом кратком обзоре не смогли упомянуть, а многого, наверное, и не заметили. Однако сказанного достаточно для понимания, какой неисчерпаемый материал для исследования дает коктейльская библиотека.

Примечания

- ¹ По мнению комментаторов (В.П. Купченко и Р.П. Хрулевой), «текст датируется сентябрем — первой половиной октября 1921; представляет собой зарисовки увиденного и пережитого в 1918—1921, предназначенные для дальнейшей переработки в стихи» [1, т. 7, кн. 2, с. 318].
- ² Издание, подготовленное вдовой ученого, представляет собой собрание писем, расположенных по разделам в хронологическом порядке. К каждому письму дан краткий очерк биографии И. Тэна за этот период. В Коктебеле хранится только один этот том.

Список источников

1. *Волошин М.А.* Собрание сочинений : в 12 т. / М.А. Волошин. — М. : Эллис Лак, 2000—2009.
2. *Заборов П.Р.* Французские писатели — корреспонденты Волошина // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. — Л., 1981. — 254 с.

3. *Купченко В.П.* Библиотека Максимилиана Волошина : доклад, прочитанный 26 декабря 2001 г. ; Дежидераты библиотеки М.А. Волошина в Коктебеле / В.П. Купченко. — СПб., 2002. — 50 с.
4. *Он же.* Волошино Великой Французской революции // Русская литература. — 1989. — № 3. — С. 57—66.
5. Мемориальная библиотека М.А. Волошина в Коктебеле : книги и материалы на иностранных языках : каталог. — М. : Центр книги Рудомино, 2013. — 480 с.
6. *Taine H.* Sa vie et sa correspondance / H. Taine. — Т. 3. — Paris, 1902.

*Иллюстрация предоставлена
автором статьи*

*Контактные данные:
109189, Москва, ул. Николоямская, д. 1;
e-mail: nnzubkov@rambler.ru*

БВ

Год литературы:
А.С. Новиков-
Прибой



**Елена Дмитриевна
Гордина,**
*заведующая кафедрой
методологии, истории
и философии науки
Нижегородского государственного
технического
университета им. Р.Е. Алексеева,
доктор исторических наук,
доцент*

УДК 028:316
ББК 60.562.1

Читательские отзывы в редакции ГИХЛ на роман «Цусима» А.С. Новикова- Прибоя в контексте кампании патриотического воспитания в 1930-е годы

Рассматриваются читательский спрос и читательские отзывы на роман А.С. Новикова-Прибоя «Цусима», поступившие в Государственное издательство художественной литературы в 1930-е годы. Эти письма представляют собой уникальный исторический источник, позволяющий реконструировать состав читательской аудитории советского исторического романа в